

- с.; Українська революція і державність (1917-1920): Наук.-бібліограф. вид. / укл.: А.Л. Панова, В.Ф. Солдатенко, Л.В. Беляєва на ін. – К.: НАН України, Нац. б-ка ім. В.І. Вернадського, 2001. – 816 с.
20. Уряди України у ХХ ст. : науково-довідкове видання. – К.: Наукова думка, 2001. – 608 с.
21. Єрмолаєв В.М. Історія вищих представницьких органів влади в Україні : навч. посіб. / Національна юридична академія ім. Ярослава Мудрого / В.М.Єрмолаєв. – Х.: Право, 2007. – 280 с.
22. Шандор Вікентій. Закарпаття: історично-правничий нарис від ІХ ст. до 1920 / Вікентій Шандор. – Нью-Йорк: Карпатський Союз, 1992. – 294 с.; Shandor V. Carpatho-Ukraine in the Twentieth Century: A political and legal history / V. Shandor. – Cambridge, Mass.: Harvard Un. Press, 1997. – 324 p.
23. Кресін О.В. Політико-правова спадщина української політичної еміграції першої половини ХVІІІ ст. / О.В. Кресін. – К.: Інститут держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, 2001. – 468 с.
24. Шульгин О. Без території: Ідеологія та чин Уряду УНР на чужині / О. Шульгин. – Париж: Вид. "Меч", 1934. – 252 с.
25. Державний центр Української Народної Республіки в екзилі : статті та матеріали / Ред. Л. Вінар, Н. Пазуняк. – Філадельфія-Київ-Вашингтон, 1993. – 494 с.
26. Шандра В.С. Київське генерал-губернаторство (1832-1914): Історія створення та діяльності, архівний комплекс і його інформативний потенціал / В.С. Шандра. – К.: УДНДІАСД. – 1999. – 144 с.; Ї ж. Малоросійське генерал-губернаторство, 1802-1856: функції, структура, архів. – К.: [Держ. ком. архівів України], 2001. – 356 с.; Ї ж. Генерал-губернаторства в Україні: ХІХ – поч. ХХ ст. – К.: Інститут історії України НАН України, 2005. – 428 с.
27. Левченко Л. Історія Миколаївського і Севастопольського військового губернаторства (1805-1900) : навч. посіб. – Миколаїв: Вид. МДГУ ім. Петра Могили, 2006. – 300 с.
28. Посохов С.И. Губернаторы и генерал-губернаторы / С.И.Посохов, А.Н.Ярмыш. – Изд. 2, испр. и доп. / С.И.Посохов. – Х.: Инст. внутр. дел, 1997. – 164 с.; Черниговские губернаторы и генерал-губернаторы: Библиографический справочник // Сост. А.В. Морозова, Н.М. Полетун. – Чернигов: РИК "Деснянська правда", 2006. – 200 с.
29. Шевчук В.П. Історія української державності : курс лекцій / В.П.Шевчук, М.Г.Тараненко. – К.: Либідь, 1999. – 480 с.
30. Вол Б. Історія української державності / Б.Вол, Я.Малик, В.Чуприна. – Л.: Світ, 1995. – 248 с.

МОРАЛЬНО-ЕТИЧНІ ПРОБЛЕМИ НАУКИ

КОГО ЗАЩИЩАЕТ И ЗА ЧТО И КАК БОРЕТСЯ "ГЛАВНЫЙ ДОКУМЕНТОЛОГ"? (к завершению "одной дискуссии")

Н.А.Низовой

31. Котляр М.Ф. Історія давньоруської державності / М.Ф. Котляр. – К.: Київ. славістичний ун-т, 2002. – 234 с.

Публикации Ю.Н.Столярова последних лет адаптировали читателей к любым их сюжетным и "жанровым" неожиданностям. Однако его "ответ" на нашу дискуссионную статью на страницах "Библиографии" все же не мог не удивить [1]. Прежде всего, попыткой, как он сам пишет, правда, относительно оппонента, "свалить с больной головы на здоровую" и "увести дискуссию в сторону от сути обсуждаемого вопроса [2]". Не только удивление, но и возмущение вызвала его следующая статья

на страницах журнала "Библиотеко-знавство. Документознавство. Информология", написанная якобы "в продолжение одной дискуссии [3]".

Прежде всего, потому что в ней нет ничего нового по существу поднятых нами проблем. При этом Ю.Н.Столяров делает вид, что не было публикаций других участников "одной дискуссии" с оценкой его "ответа". На которые элементарно ответственному автору, естественно, необходимо как-то отвечать.

Но Ю.Н.Столяров, кроме статьи Н.А.Низовой, по-видимому, уже никого и ничего не

видит и не слышит. Наверное, поэтому "не увидел" он, например, статьи Э.К.Беспаловой "Какая истина разыскивается?" [4], где дана убедительная его характеристика как руководителя ("...руководя кафедрой и будучи единственным доктором педагогических наук, он так и не удосужился написать ни учебное пособие, ни учебник по документоведению, ни, тем более, по документологии") и как личности.

В частности, как человека неуважительного ("Только на себя, любимого, не жалеет ярких красок"), неискреннего (например, при самооценке своей деятельности), не имеющего системного знания о документологии, стоящего в стороне от созидательного научного процесса и паразитирующего своими "ответами" на работах его действительных участников этого процесса. И, наконец, как человека, который "ненадежен по части фактов и дат", "блестящий выдумщик".

"Не заметил" Ю.Н.Столяров и статьи Е.А.Плешкевича "Документология как научная дисциплина: потребность или искушение?", где он также предстает далеко не в лучшем свете [5]. В частности, как псевдоноватор ("Предложенная Ю.Н.Столяровым схема формирования науки о документе выглядит сомнительной") и человек, который злоупотребляет "приватизированными" им и его последователями "именем и идеями П.Отле". В итоге автор приходит к выводу, что "научная конструкция документологии, предлагаемая Ю.Н.Столяровым, – скорее искушение, в то же время ничто не мешает Юрию Николаевичу скорректировать вектор документологического творчества в сторону развития отечественной документационной науки [5, 44]".

Но, судя по нынешней статье, Ю.Н.Столярову уже не до "поиска" якобы только ему доступной "научной истины" и теперь он озабочен лишь одним: свести счеты с Н.А.Низовым, позволившим публично усомниться в его выдающихся научных достижениях в области документоведения и в его нравственных устоях. Ради этого используются любые "приемы и методы" нечестной полемики и полностью игнорируются элементарные нормы научных дискуссий.

Другими словами, статья написана столь развязно, что вызвала соответствующую реакцию главного редактора этого журнала М.С.Слободяника, инициировавшего новую рубрику "Морально-этические проблемы науки" и выступившего с обстоятельным анализом соблюдения этических норм в этой "дискуссии" [6]. В нем он, в частности, тщательно систематизировал наши претензии к учебнику Н.Н.Кушнарченко "Документоведение" и посоветовал автору опровергнуть их или согласиться с ними, "поблагодарить рецензента и сообщить коллегам о готовности учесть его замечания в дальнейшей работе". Потому что "отсутствие ответов на... профессиональные замечания практически означает признание их справедливости [6, 35]".

Михаил Семенович, однако, не ограничился анализом претензий к учебнику и позиции его автора Н.Н.Кушнарченко, но и сформулировал достаточно жесткую, но справедливую оценку роли ее научного наставника Ю.Н.Столярова в этой "дискуссии". Отметив, что им "используются весьма сомнительные с позиций морально-этических норм науки методы и приемы дискуссии", он на конкретных примерах подтверждает сказанное.

В частности, что Юрий Николаевич не брезгает подтасовкой научных положений и фактов (например, в "пересчете" объема учебника в случае изъятия из него книговедческого материала), их умолчания (в заверении об отсутствии у него и его "подзащитной" "решительно никаких административных рычагов") или их искажения (при интерпретации научного наследия Поля Отле).

Последнее, замечает М.С.Слободяник, "может стать темой самостоятельной публикации". Поддерживая это намерение, укажем, что еще в 2000 г. в совместной с Н.С.Тимошиком рецензии на российскую энциклопедию "Книга" мы обратили внимание читателей на "талант" Ю.Н.Столярова переворачивать события и факты с ног на голову. В частности, в статье об М.А.Годкевиче он "превратил" многолетнего директора Украинской книжной палаты в российского книговеда и библиотекаря, "перенесши" его публикации "украинского периода" на последние годы его вынуж-

денной (в связи с невиданными репрессиями против украинской интеллигенции) работы в Москве [7].

В конечном итоге М.С.Слободяник приходит к выводу, что Ю.Н.Столярова ведет полемику как император всея документологии", монополизирующий право на научную истину, а также право поощрять и наказывать своих "подданных" [6, 36].

В данной статье мы попытаемся ответить на адресованные нам претензии и выпады Ю.Н.Столярова, остановившись, в первую очередь, на тех аспектах и фактах, которые пока что остаются за пределами "несостоявшейся дискуссии", показав бесперспективность дальнейшего "дебатирования" научных проблем с откровенно аморальными оппонентами.

Необходимо, прежде всего, подчеркнуть явное преувеличение Ю.Н.Столяровым своего места и значения в инициированной нами дискуссии. Ведь вполне очевидно, что основным нашим оппонентом является Н.Н.Кушнаренко со своим учебником "Документоведение". Причем, не после его первого издания, потому что, как мы писали (и чего, естественно, "не заметил" Юрий Николаевич), "не ставим под сомнение положительное значение первой попытки создания этого учебника" и что "мало кто станет требовать от первого опыта максимального успеха [1, 42]". И даже не после второго, когда уже стали, в целом, понятными научно-нравственные позиции автора и ее "покровителей", а лишь после того, когда выпуск учебного полуфабриката был поставлен на конвейер.

Поэтому естественно было ожидать ответа, прежде всего, от Н.Н.Кушнаренко, хотя такого прецедента еще не было. Но, как и в случае с остро критическим выступлением Е.А.Плешкевича в ее адрес [8], с оправдательными объяснениями выступил не автор рассматриваемого учебника, а ее "научный наставник и постоянный защитник".

Выступил Ю.Н.Столяров, к сожалению, в своем традиционном стиле: та же демагогия под видом "раскованности" и "демократичности", с теми же перлами словесной клоунады типа "шепнул читателям на ушко" или "почув-

ствовал себя зайцем во хмелю [3, 29]". С тем же нескрываемым неуважением к оппоненту. Например: "Н.А.Низовому мне не угодить ни при каком раскладе...", "Н.А.Низовой... ни к документологии, ни к документоведению всерьез не относится [3, 28]"; "...ироническое замечание Н.А.Низового свидетельствует о его некомпетентности в истории вопроса, да и в существе определения ("документа") [3, 31]".

Правда, после таких немотивированных обвинений, скорее похожих на оскорбления, не совсем понятно: зачем тогда "главному документологу" снисходить (опускаться!) до пространного, хотя и невразумительного "ответа" всерьез не относящемуся ни к документологии, ни к документоведению оппоненту?..

Кроме того, он выступил с рассуждениями о второстепенных или не касающихся темы вопросах, но никак не о самых главных. Ведь Ю.Н.Столярову, пусть и оппоненту "второго плана", нами высказаны вполне обоснованные, как мы полагаем, и конкретные претензии. Заключаются они в безнравственности его соучастия в качестве первого официального рецензента в многократном переиздании эрзац-учебника Н.Н.Кушнаренко "Документоведение" и его беззастенчивой пропаганде.

Другими словами, в "канонизации" рецензируемого им учебника, основным недостатком которого является отсутствие, за малыми, как правило, провальными исключениями, авторского текста. Потому что учебник построен на компиляции, недобросовестном использовании чужих идей и отдельных фактов, "прихватизации" книговедения при поразительной некомпетентности в нем.

Более того, устаревший, по сути дела, с первого выпуска "учебник" едва ли не ежегодно шесть раз (!), переиздавался без малейшего обновления его содержания. Но это не мешало Н.Н.Кушнаренко в каждом переиздании лживо утверждать, что в нем "учтены новейшие официальные, нормативные и инструктивно-регламентирующие документы в области библиотечного, издательского, архивного дела, делопроизводства и информатики [!]" . А также цинично заверять, что "автор с благо-

дарностью примет предложения и замечания по совершенствованию содержания и структуры учебника при подготовке следующего издания", наперед зная, что этого "совершенствования" не было и не будет.

Так что во всем выше перечисленном, а не в Вашей, как Вы пишете, "самоиронии Н.А.Низовому угодно было усмотреть нарушения научной этики, утрату чувства меры и прочие прегрешения [3, 29]". Почему же в "ответе" говорится о чем угодно, но не об этих, самых главных наших претензиях? А ведь по каждому из затронутых нами вопросов есть о чем рассказать...

Что ж, тогда попытаемся, хотя бы частично, изложить то, что, всерьез, а не демагогически и лицемерно борясь за "научную истину", обязан был рассказать сам Ю.Н.Столяров. Но его "ответы" лишь подтверждают справедливость наших слов о приходе в высшую школу "дикого капитализма" и ощутимого падения в связи с этим нравственно-этических норм в научно-педагогической среде.

Один только пример. В своем "ответе" Ю.Н.Столяров не отрицает очевидного факта нелегального "заимствования" автором "Документоведения" многих разделов книговедения. Но, вместо того, чтобы как-то объяснить ситуацию и извиниться за свою "первую и любимую ученицу", приступает... к деляческому перерасчету (в натуральных числах и процентах!) объема их "Документоведения" в случае вынужденного возврата "заимствованного" книговедческого материала. При этом, как всегда, не обошлось без существенных неточностей. Как справедливо отмечает М.С.Слободяник, "проверка выполненных Ю.Н.Столяровым расчетов показывает, что объем собственно документоведческого текста в учебнике составляет 8 глав общим объемом 174 страницы [из 459 с.!), что существенно отличается от приведенных в результате расчетов, выполненных Ю.Н.Столяровым, – 17 глав объемом 320 страниц [6, 36]. Разве такая "арифметика" не из арсенала вузовского "дикого капитализма"?

О компиляции и плагиате. Компилятивный характер своего учебника признавала и его автор Н.Н.Кушнаренко в предисловии к

его первому изданию, принося "извинения за отсутствие ссылок и признательность специалистам за то, что их идеи легли в основу подготовки данного учебника". Однако со второго, якобы "переработанного и дополненного" издания (с новым первым официальным рецензентом Ю.Н.Столяровым!), уже не считала нужным извиняться перед жертвами своего компиляционного нашествия, и, тем более, выражать им свою благодарность...

Хотя эти "извинения" – всего лишь авторское лицемерие. Ведь никто не возражает против открытого (т.е. с соответствующими ссылками) заимствования чужих идей и текстов. Естественный протест вызывает лишь их недобросовестное использование, именуемое плагиатом. Как раз этим и страдает учебник Н.Н.Кушнаренко.

Приведем лишь один пример. Вначале укажем фрагмент текста первоисточника: "Знакомство с историческими судьбами книги позволяют признать ее как наиболее важной формой хранения графической информации, предназначенной для многократного воссоздания и передачи во времени и пространстве. Эти основные функции книги являются ее постоянными свойствами; к временным же относятся материалы, на которых воспроизводится материалы, формы книги, разновидности шрифтов и содержания, а также особые функции различных типов книг [9]".

Теперь посмотрим на этот текст (приведенный, разумеется, без кавычек или хотя бы упоминания автора определения понятия "книга") в учебнике Н.Н.Кушнаренко: Книга – "это наиболее важная форма хранения словесной и графической информации, предназначенной для многократного использования и передачи в пространстве и времени. Перечисленные функции книги являются ее постоянными свойствами. К переменным же относятся материалы, на которых воспроизводится информация, форма книги, разновидности шрифтов и содержания, а также особые функции различных типов книг [10]".

Как видим, перед нами не просто плагиат, когда "честно" присваивается чужой текст, а плагиат с разрушительными элементами фальсификации. Потому что любой плагиатор

(грабитель), а тем более многократно титулованный, не хочет, естественно, быть сразу же опознанным и разоблаченным. Поэтому пытается замести следы своего деяния путем прибавки, замены или перестановки отдельных слов или выражений и другими плагиаторскими "приемами и методами". При этом, естественно, уродуя текст первоисточника.

Например, в первом предложении к тексту К.Мигоня добавлен лишь один существенный термин – "словесной", которым автор, "подправляя" известного польского книговеда, лишний раз показал собственное книговедческое невежество. Не подозревая, наверное, что в понятие "графическая информация" входят и шрифты, которыми передают словесную информацию при книгопечатании. Так что термин "словесной" здесь (как и во многих других местах учебника) совсем ни к чему.

А почему бы, например, не сказать: "Книга, как справедливо утверждает известный польский книговед К.Мигонь", и далее... по его тексту? Тогда бы и первоисточник остался неискаженным, и репутация автора учебника от этого, полагаем, не пострадало бы.

Уверены, что и этот очевидный факт плагиата с фальсификацией его "первой и любимой ученицы" не смутит Ю.Н.Столярова. Как

ничуть не смутила его, например, показанная нами полная книговедческая безграмотность его "подзащитной" в элементарных вопросах 9-ой главы учебника "Книга как основной вид издания".

Но, оказывается, и здесь виноваты книговеды с их "наивно-реалистическим" делением элементов книги на внешние и внутренние, а вся проблема якобы сводится к необходимости лишь выправить "частные фактические погрешности [3, 30]". Как просто и мило! А когда же мы дождемся не раз обещанного "документологического" анализа книги как главного "документа", а не будем довольствоваться безграмотным пересказом книговедческого материала?

Теперь – о фальсификации. Поразительным ее примером, как мы отмечали, является сфабрикованный Н.Н.Кушнарченко так называемый "государственный стандарт" определения термина "документ". Бесцеремонно "экспроприировав" первое примечание к термину "издание" в ДСТУ 3017-95 "Издания. Основные виды. Термины и определения" (см. фрагмент стандарта), она тут же объявляет его "официально принятым" определением термина "документ", именуя его "Документ II" и "приписывает" к ДСТУ 3017-95.

ДСТУ 3017-95

3. ЗАГАЛЬНІ ПОНЯТТЯ

3.1 видання

Документ, який пройшов редакційно-видавниче опрацювання, виготовлений друкуванням, тисненням або іншим способом, містить інформацію, призначену для поширення, і відповідає вимогам державних стандартів, інших нормативних документів щодо їхнього видавничого оформлення і поліграфічного виконання

Примітка 1. Під документом слід розуміти матеріальний об'єкт, що містить інформацію, закріплену створенням людиною способом для її передавання в часі та просторі

издание

Документ, предназначенный для распространения содержащейся в нем информации, прошедший редакционно-издательскую обработку, полученный печатанием или тиснением, полиграфически самостоятельно оформленный, имеющий выходные сведения

Примечание 1. Под документом следует понимать материальный объект с информацией, закреплённой созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве

Далее на нескольких страницах воздается хвала сфабрикованному "Документу II", от которой человек со слабыми нервами невольно встанет на колени со словами благодарности "создателю" этого определения. Потому что, оказывается, только благодаря ему человечество узнало, что "указание такого признака, как созданный человеком способ закрепления информации [какой же способ?!], не позволяет [!] считать документом, например, ген: генетическая информация закреплена способом, созданным природой, а не человеком". Кроме того, "Значение [?] Документа II выводит [!] из числа документов предметы [!], которые не могут быть включены в определенный документный фонд и не предназначены для широкого распространения в обществе [10, 21]".

Комментировать этот текст, надеюсь, нет необходимости. Да, честно говоря, и возможности. Хотя основная мысль автора ясна: теперь, после "изобретения" "Документа II", мы ни при каких обстоятельствах не включим в библиотечный фонд, например, стремянку, хотя она небесполезна в каждодневной работе библиотекаря, или, как документ (по определению Ю.Н.Столярова [11]), кусок горной породы, также не лишней при работе со слишком любопытными читателями. А, если кто-то это уже легкомысленно сделал, тогда на "застартизованном" основании исключим их как малоинформативные "документы" из любого библиотечного фонда...

Теперь – об узурпации книговедческого материала монтажниками "новой версии" документоведения. Об этом уже писали В.В.Добровольский и Е.А.Плешкевич. Мы также говорили о безусловной необходимости извлечения его из "Документоведения", но не возражали против документоведческой характеристики самой "книги" как главного документа среди всех его разновидностей. И выражали надежду, что при таком подходе "книга будет всесторонне охарактеризована намного выше принятой "книговедческой" точки зрения, так сказать, с высоты "общей теории документа [1, 42]".

Что же имеем на самом деле в 9-й главе учебника Н.Н.Кушнаренко? Неквалифициро-

ванное изложение конструкции и структуры книги, а также истории книги, недопустимое даже на любительском уровне. А ведь автор – доктор наук, заведующий кафедрой "Книговедения и фондоведения". Хотя, справедливости ради, следует отметить, что термин "книговедение" в наименовании этой кафедры появился путем его административного отсечения от названия кафедры "Библиографоведения и книговедения" для образования кафедры "Книговедения и фондоведения" вместо так и не состоявшейся кафедры "Документоведение". Которую, кстати, безуспешно пытались создать на основе исходной кафедры "Фондов и каталогов". И все эти удивительные метаморфозы происходили в "эпоху" руководства кафедрой и факультетом ХГАК Н.Н.Кушнаренко...

Не сомневаемся, что и эти перманентные "превращения" кафедры своей "подзащитной" (как, между прочим, в недалеком прошлом и его собственной) Ю.Н.Столяров истолкует как поучительный пример интенсивного научно-педагогического ее развития. А не как такой же пример печальных последствий "ручного управления" кафедрой и факультетом Н.Н.Кушнаренко, т.е. использования "невидимого" для Ю.Н.Столярова "админресурса".

После всего вышеизложенного невольно возникают многие вопросы. В частности, кого Вы, Ю.Н.Столяров, взяли под свою опеку и постоянно пытаетесь защищать? И как Вам удалось "не заметить" и "не понять" истинного качества учебника Н.Н.Кушнаренко, рецензируя его второе, якобы "переработанное и дополненное" издание, содержание которого отличалось от первого лишь тем, что во втором "Оглавление" перенесено с последних страниц на первые и названо "Содержанием"?

Не заметить, наконец, что в нашей статье Вас назвали соучастником "в своей основе меркантильной операции", нанесшей серьезный ущерб "становлению полноценного документоведения"? А теперь пытаетесь уйти от ответственности, заявляя, что "я же не соавтор, я всего лишь один из рецензентов", имитируя при этом крайне наивного человека, впервые слышащего о том, что официальный рецензент также является "в немалой степени ответственным за качество издания"?

Но Ю.Н.Столяров не только ничего "не заметил" и ничего "не понял", но и стал страстным пропагандистом компилятивного учебника своей "первой и любимой ученицы". Хотя нормы элементарной научно-педагогической этики могли бы удержать многолетнего научного руководителя и официального рецензента от такого шага.

Более того, Ю.Н.Столяров, ссылаясь на учебник, публично объявил, что в Украине официально принято "три последовательно сужающихся значения слова документ [12]". Два определения действительно имеются в госстандартах Украины. О "третьем" мы рассказали выше. Так, может быть, и здесь надо было бы объясниться да извиниться за столь масштабную дезинформацию? Тем более, Ю.Н.Столяров утверждал, что, "читая его [учебник Н.Н.Кушнарченко], я с удовлетворением увидел руку и мысли своей любимой ученицы. Яснее стали видны узкие места и перспективные направления [13]".

Но Ю.Н.Столяров, судя по "ответам", остается единственно правым и непогрешимым в борьбе за "свое" "документоведение", а теперь и за ни чем не обоснованную "документологию". Которая, как показывает, в частности, опыт ее преподавания в ХГАК, оказывается примитивно перелицованным "Документоведением". Вышло в полном соответствии с ироническим (если не саркастическим) советом Э.К.Беспаловой: "назвать очередное переиздание учебника "Документология" [4, 41]".

И это при том, что уже имеются пособия более высокого уровня. В частности, учебное пособие Г.Н.Швецовой-Водка "Документоведение", в котором почти в равной мере представлены взаимодополняющие составные части: "основы теории документа" и "книга как вид документа [14]".

А, может быть, вообще, дело не столько в научной "принципиальности" Ю.Н.Столярова, сколько в его "чистосердечном" признании (очередная "самоирония"?): "Сдался я под напором Натальи Николаевны. В руководители, сдается, выбрала она меня, а не я ее. И, как водится, достигла цели. Какие соображения двигали ею, надо бы выпытать у нее [13, 12]".

Вопрос о "соображениях" для "ученого-энциклопедиста" (по определению Н.Н.Кушнарченко), как видим, оказался неразрешимой загадкой. Но сегодня, наверное, дело уже не в его разгадке, а в выяснении, не находится ли он до сих пор "в плену"? И не нужна ли, наконец, ему помощь в освобождении "из плена"? Иначе нет полной уверенности, что его "ответы" написаны не "сдавшимся" человеком...

Как бы то ни было, проблема заключается в научно-нравственных основаниях появления и дальнейшего "шестивия", как определяет Е.А.Плешкевич, "новой версии документоведения". Автором которой, как он пишет, "стал известный теоретик библиотечного дела Ю.Н.Столяров", свершивший "научный оверштанг", построив на "экспропрированном" и неуклюже закамуфлированном книговедении "свое" "новое" "документоведение" [15]. Наглядным и наивысшим "достижением" которого стал рассмотренный нами учебник Н.Н.Кушнарченко.

В связи с этим отметим, что в Украине, как и в России, в различных сферах, в том числе и в ВУЗах, спокойно трудятся сотни и тысячи "традиционных документоведов". Которые – слава Богу! – не додумались в один прекрасный день спешно оставить свою научно-практическую деятельность и в срочном порядке взяться за "дегероизацию" книги и низведение ее до уровня усредненного "документа". И затем создать в документально-информационной сфере метанауку – "документологию" (по образцу, наверное, почившего в бозе "марксизма-ленинизма"), определявшую бы пути развития всех остальных наук этой сферы.

Однако, как выяснилось, на пути к ее созданию оказалось книговедение, которое не вписывается в ранжир "гегемонистов-глобалистов", а книга не вмещается между такими горячо любимыми названными документологами документами, как трамвайный билет и товарный чек. Поэтому они нашли простой, на их взгляд, выход: "опустить" авторитет "книги" ("если отвлечься от поэтизации этого слова [16]"), понизив ее имидж до уровня "амбарной и инвентарной книги" или "книжки трамвайных билетиков на 10 копеек"¹, а

вместе с ней и книговедение. Которое, по мнению Ю.Н.Столярова, за 400 лет своего существования не ощутило потребности "в надкниговедческом подходе" к книге, способном вывести его "из методологического тупика [17]".

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть заголовки некоторых статей Ю.Н.Столярова и его "последователей" на эту тему. Например: "Зачем книговедению документологическая линейка?" [18], "Зачем документология нужна документоведению и зачем – книговедению?: Маленькая картинка для выяснения больших вопросов [17]", "Размышления на тему: что общего между библиотековедением, библиографоведением, книговедением... и что такое документ? [16]".

Другим направлением рейдерской атаки на книговедение стал учебный процесс. Здесь "гегемонисты-глобалисты" не только "продавливали", но и, как справедливо пишет Е.А.Плешкевич, локтями расчищали "себе путь в большую науку". Результатом их усилий стали "ненавязчивое" внедрение их "Документоведения" и монополизация его многократным переизданием компилятивного учебника Н.Н.Кушнарченко. Тем самым в немалой степени блокируя подготовку и распространение учебников более высокого уровня.

Нет сомнения, что для будущих библиотечарей, библиографов и книговедов необходим курс "Документоведение" пропедевтического характера, который бы раскрывал студенту все многообразие документного потока и массива, возможных для использования его в будущей профессиональной деятельности. Но создать такой курс, по нашему мнению, невозможно без определения исходной единицы (эталона) информационно-сервисной значимости ("стоимости"!) каждого вида документа. И здесь, хотя и не хотят этого "гегемонисты-глобалисты", надо признать, что таким эталоном является "книга" в широком ее понимании.

Кроме того, для создания такого курса необходимо осознание того, что "документ" – явление "докнижное", а не "послекнижное". И, тем более, не "вместокнижное", как полагают сторонники фетиша документа. Только при таком подходе каждый вид документа, в том числе и книга, займет соответствующее его значению место в документной иерархии, и роман Л.Н.Толстого "Война и мир" не окажется в сомнительном соседстве с трамвайным билетом и товарным чеком.

Более того, насаждаемая ныне представителями "новой версии" документоведения "уравниловка" в оценке информационной емкости и значимости документов и фетишизация их материальной части в ущерб информационной ведет в противоположную сторону от этой цели. Не случайно, наверное, выдающийся российский библиотековед В.В.Скворцов "считал, что в условиях информатизации общества отечественное библиотековедение не может задерживаться на документологической позиции" и был уверен, что "другого стратегического решения, кроме перехода на информационную концепцию, у нас нет".

Он также небезосновательно полагал, что "информационная парадигма принципиально отличается от документной, что главное в обслуживании пользователей не документ, а информация". В связи с этим нелишнее напомнить известное остроумное замечание В.В.Скворцова: "Потребление документов на самом деле невозможно, как невозможно потребление пищи вместе с посудой [19]".

В упоминавшейся статье о своей "первой и любимой ученице" Ю.Н.Столяров, как настоящий, по ее же определению, "ученый-энциклопедист", прозорливо предсказал, что "Н.Н.Кушнарченко дозрела до нового качественного рывка в области документологии, и хотелось бы надеяться, что этот факт будет зафиксирован в ее новых публикациях [13, 14]".

Действительно, такой "рывок" состоялся:

¹После этого "определения" Ю.Н.Столяровым "книги" каким дремучим лицемерием звучит следующее причитание его автора: "Предложение выхолостить общепрофессиональный курс, исключив из него сведения о самом важном, освященном тысячелетними традициями виде документа, – книге – звучит кощунственно [3, 30]".

появилась программа курса "Документология", которая, как оказалось, является слегка подкорректированной копией прежнего "Документоведения". Даже тот "удивительный" расклад учебных часов по видам занятий (в "фундаментальной" дисциплине лекции составляют лишь 30 %, а практические занятия – 53 % от общего числа учебных часов!), о котором мы писали ранее, остался без изменений.

Но это не помешало "составителям" программы самоуверенно утверждать, что "Документология" – фундаментальная дисциплина, обеспечивающая подготовку специалистов высшей квалификации по специальности "Книговедение, библиотековедение, библиография" [!]. И что "программа курса построена на системе взглядов [!], рассматривающих "Документологию" как обобщающую науку о документе в целом, во всех его проявлениях, взаимосвязях и опосредствованиях [20]".

Вопрос о фундаментальности "документологии" убедительно раскрыт Э.К.Беспаловой в статье "О фундаментальной подготовке библиотечно-информационного специалиста" [21]. В ней, в частности, обращается внимание, что "фундаментальной названа не только спорная по статусу, но вообще еще не существующая наука – документология". И делается вывод, что "фундаментальность в наших прикладных по своей природе отраслях есть, входит она и в подготовку кадров через философию, логические, исторические аспекты специальных дисциплин, через общетеоретические курсы, прирастающие именно этим знанием, а не терминологическими упражнениями и переименованиями [21, 113]".

Возвращаясь к указанному выше определению "Документологии", видим, что Козьма Прутков со своим, казалось бы, незыблемым постулатом о невозможности "объять необъятное", посрамлен. Оказывается, вполне возможно "объять необъятное" "во всех его проявлениях, взаимосвязях и опосредствованиях". Ведь цель курса, как безапелляционно утверждают "составители" программы, – "подготовить специалиста, способного свободно ориентироваться в разнообразии документов, функционирующих в инфосфере [!], квалифицированно управлять документными ресурсами общества [!]".

Ныне "Документология" включена в учебный план факультета "Библиотековедения и информатики" ХГАК. Более того, заготовлено для включения (с помощью "админресурса" или известным способом кукушки) еще несколько современных "документологических" дисциплин. Например, "Документные ресурсы" (наряду с "Библиотечными фондами"), "Документная эвристика" (не пример ли откровенного подражательства "Библиографической эвристике?!)" и "Методологические проблемы документологии".

Последняя, в частности, характеризуется как "учебная дисциплина, которая в контексте современных достижений документологической мысли [!] усиливает мировоззренческую [!] и теоретическую профессиональную подготовку магистров специальностей "Книговедение, библиотековедение и библиография", "Документоведение и информационная деятельность".

Поразительно, что сам термин "документоведение" уже исключен из помещенных здесь же "Основных терминов и понятий". Есть "науковедение", "теория", даже "теория документологии" (!), а вот "документоведения" нет! Получается, поигрались в одну игру, переходим к следующей?

Зато имеется нечто "новое": "Документософия – междисциплинарная отрасль знаний о самых общих закономерностях исторического развития документа и документальных систем и пути философского осмысления их документологией [!]" . Не образец ли безнадежной попытки реставрации не прижившегося в свое время в книговедении (библиологии) термина "библиософия", перелицованного псевдоноваторами в "документософию"?

И все это творится (точнее, вытворяется) в пределах специальности, основными составляющими которой являются "книговедение, библиотековедение и библиография". И после этого кто-то говорит об отсутствии "админресурса"?!

Обратим внимание, что в "Тестовых заданиях" к указанному курсу первым стоит самый "методологический" из всех методологических вопросов: "1. В каком ГСТУ дано определение понятия документа как матери-

ального объекта, содержащего информацию, закрепленную созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве".

Понятно, что магистрам двух специальностей вовеки не найти ответ на этот вопрос. Потому что в существующих ГСТУ, в том числе и в ГСТУ 3017-95, такого определения термина "документ" не существует. Для подтверждения приводим фрагмент алфавитного словаря терминов на русском языке, определенных в ГСТУ 3017-95:

ДСТУ 3017-95

АБЕТКОВИЙ ПОКАЖЧИК РОСІЙСЬКИХ ТЕРМІНІВ

автореферат диссертации
альбом
бюллетень-хроника
выпуск специальный газетный
газета
газета общеполитическая
газета специализированная
дайджест
журнал

Как видим, тиражирование фальшивки продолжается. К слову, и другие вопросы этих "тестов" не меньше поражают глубиной методологической мысли. Например:

"16. Основоположником интегрированной науки о документе является:

- а) Юрий Николаевич Столяров;
- б) Наталия Николаевна Кушнаренко;
- в) Поль Отле.

17. Автором первого учебника по документоведению является:

- а) Поль Отле;
- б) Сергей Георгиевич Кулешов;
- в) Наталия Николаевна Кушнаренко

[22]".

Теперь – об "ироническом замечании Н.А.Низового", свидетельствующем "о его некомпетентности в истории вопроса, да и существе определения ("документа)". В целом, наверное, нежелательно иронизировать в научном споре. Особенно с прижизненными "корифеями". Но как от нее (иронии) удержаться, если научный руководитель, уче-

ницу и последовательницу которого обвиняют в плагиате и фальсификации, начинает демонстрировать свои глубокие познания из истории "документа" вместо того, чтобы ответить по существу на поставленный вопрос: "Документ II" – циничный плагиат с фальсификацией или действительное достижение документологической мысли Н.Н.Кушнаренко?

О запоздалом "единении" Ю.Н.Столярова с украинскими документоведами, "в отличие от Н.А.Низового, всерьез относящихся к документологии". Но предварительно – об отмеченном Э.К.Беспаловой "несостоятельном приеме" Ю.Н.Столярова и его последователей пополнять ряды своих сторонников: "чуть кто сказал "документология" (даже в порядке критики или сомнения), так сразу же объявляется документологом [21, 112]".

До нашей дискуссионной статьи Ю.Н.Столяров почему-то не баловал нынешних украинских документологов (понятно, кроме своей "первой и любимой ученицы" Н.Н.Кушнаренко) своим повышенным вниманием. Теперь же, лишь бы как-то "изолировать" оппонента, пришлось вспомнить и некоторых других украинских книговедов и документологов, упомянутых в нашей статье. И не только вспомнить, но и изобразить своими сторонниками, приспособив для этого смысл цитат из их публикаций и одновременно, по менторской привычке, раздавая комплименты и "титулы".

Больше всего в этой ситуации "повезло" Г.Н.Швецовой-Водка, получившей из щедрых, в таких случаях, рук Ю.Н.Столярова титул "пионера разработки общей теории документа, т. е. документологии в Советском Союзе [3, 31]".

Интересно, как оценивал он "пионера разработки общей теории документа" 11 лет назад, когда, согласившись стать официальным первым рецензентом учебника Н.Н.Кушнаренко со второго его издания (т.е., когда уже были официальные рецензенты), фактически отстранил Г.Н.Швецову-Водка от этой миссии, уверены, более бы продуктивной? Или, по его мнению, такие "оверштанги" не касаются нравственности?

Теперь Ю.Н.Столяров стремится представить Г.Н.Швецову-Водка своей "союзницей" в понимании "его" документологии, в своем "стиле" игнорируя ее неоднократно повторяемое предложение "... документологией называть именно цикл наук о документе, а не отдельную научную дисциплину. Возможно, в пределах этого цикла еще должна сформироваться "общая теория документологии [23]".

Вполне очевидно, что Ю.Н.Столяров поспешил "уступить" Г.Н.Швецовой-Водка титул "пионера разработки теории документа". Тем более что Н.Н.Кушнарченко в вопросе о "первенстве" занимает прямо противоположную позицию. В частности, она считает: "Вопрос о необходимости формирования обобщающей науки о документе во всех его проявлениях первым из современных специалистов поставил российский ученый-энциклопедист Ю.Н.Столяров. По сути именно он стал основателем документоведения как обобщающей науки, синтезирующей теоретические достижения всех дисциплин документально-коммуникационного цикла – информатики, документалистики, книговедения, социальных коммуникаций и т. п. [24]".

По существу, кроме охарактеризованного нами учебника Н.Н.Кушнарченко "Документоведение", нескольких "материалов" и претензионных статей Ю.Н.Столярова, у новоявленных "документологов" нет убедительных аргументов в пользу своих широкомасштабных притязаний. Но это не мешает Ю.Н.Столярову безапелляционно утверждать, что "она ["документология"] уже состоялась [2, 56]". Тогда не стоит удивляться и появлению "его" субъекта документологии – документолоида [21, 112].

Полагаем, вышеизложенного достаточно для "компенсации" ожидавшихся полноценных "ответов" Ю.Н.Столярова. В заключение приведем еще несколько злободневных мыслей по дискутируемой проблеме и попытаемся сделать определенные выводы.

В частности, Е.А.Плешкевич настойчиво призывает "новых" документоведов осознать, что "феномен документа безграничен, поэтому авторам новой версии необходимо определиться с областью познания, ее

границами и предметом познания". Потому что "изучить феномен документа не под силу одной конкретной дисциплине, пусть это будет документология или общее документоведение [8, 69]". В итоге Е.А.Плешкевич так сформулировал главную мысль: "Общее документоведение, о котором так много говорят представители новой версии, нельзя создать декларативно. Оно возникает само по ходу развития теоретических знаний, создания теорий, установления закономерностей и т. д. [15, 26]".

На международной научно-практической конференции "Актуальные проблемы государственного управления и документно-информационного обеспечения аппарата власти" в Киевском национальном университете культуры и искусств, как и на иных подобных форумах, в очередной раз "подымался вопрос статуса исследований документа, т.е. иными словами, имеем ли мы дело еще лишь с документоведением, или уже родилась документология. Сошлись на мысли о том, что наука о документе в стадии становления и таким образом имеем пока что документоведение [25]".

Еще четче высказались участники секции "Теоретические проблемы документоведения" прошлогодней документологической конференции в госакадемии руководящих кадров культуры и искусства, которые "подвергли острой критике известную концепцию документологии профессоров Ю.Н.Столярова и Н.Н.Кушнарченко. Они обосновали, что сегодня документология развивается в пределах общетеоретической составляющей документоведения [26]".

С.Г.Кулешов, которого Ю.Н.Столяров по известному его "методу" также причислил к числу своих "единомышленников", по этому поводу считает, что "документология", как обобщенная история и теория документа, имеет право на жизнь. Однако, именно этот высокий уровень обобщения и неодинаковый характер ряда закономерностей в функционировании разных "форм" документа не гарантирует ей право быть отдельной научной дисциплиной. Для ее утверждения должно пройти определенное время, должны быть

проведены основательные науковедческие исследования, которые подтверждают такой ее статус. На сегодня документология может существовать как совокупность научных знаний по истории и теории документа, как раздел общего документоведения в пределах самого документоведения [27].

Наконец, М.С.Слободяник, который якобы, по словам Ю.Н.Столярова, принимает его "предложение пройти путь "от документоведения к документологии", неустанно повторяет, что "переход от документоведения к документологии – объективный процесс, который не может быть ускорен по желанию отдельных, даже очень авторитетных, ученых [6, 37]."

Разве это не совпадает с изложенными выше основными положениями Г.Н. Швецов-Водка, Е.А. Плешкевича и др.? Но "октября" "новой версии" не желают слушать "пионера разработки общей теории документа" и других авторитетных документоведов. Поверхностность и эклектизм, помноженные на самомнение и непомерные амбиции толкают их на путь авантюристов: безнадежной попытки немедленно реализовать создаваемую ими наспех "метанауку" в виде скороспелой "документологии" (по аналогии, наверное, с "ускоренной яровизацией" академика Лысенко). Псевдонаучные новаторы не терпят эволюции!

Таким образом, на сегодня реально нет ни научно обоснованной "новой версии" документоведения, ни "документологии", хотя никто не исключает их появления в будущем на основе дальнейшего развития ныне существующего комплекса документоведческих дисциплин. Имеется лишь их имитация (переименование, например, "документоведения" на "документологию") претензионным дуэтом, не отягощенным даже элементарными книговедческими знаниями, но очень стремящимся, как писал И.А.Крылов, "без драки попасть в большие забияки".

Конечный итог "инноваций" таких "ускорителей прогресса" общеизвестен. Поэтому в заключение хочется спросить: во имя чего и с кем Вы, Ю.Н.Столяров, так настойчиво стремитесь к такому итогу, попирая при этом элементарные нормы нравственности и науч-

ной этики? Эпоху информатизации хотите заменить "документологизацией", т.е. содержание заменить формой? С помощью учебника Н.Н.Кушнаренко?!

А не лучше ли, ретируясь "с передовых позиций во второй эшелон, куда меньше летит пуль и снарядов [28]", заняться посильной и конструктивной работой? Тем более что предложенная Вами еще в минувшую эпоху 4-элементная модель библиотеки давно нуждается в серьезной модернизации и реконструкции. И Ваша самолюбивая статья о ней [29] лишь подтверждает это: одним "новым шагом на пути к объективной истине", сделанным, кстати, с опозданием на 30 лет, тут не обойтись.

Однако, думается, и в этой области на успех можно рассчитывать лишь в том случае, если своими "предшественниками" считать, например, Ю.В.Григорьева или даже Н.А.Рубакина, но не Наполеона Бонапарта или А.Эйнштейна, как это видится Вам сегодня со "второго эшелона [28, 28]..."

Уже после написания этой статьи нам не посчастливилось, как Юрию Николаевичу, участвовать в международной конференции². Но довелось, как и прежде, проводить все виды учебных занятий по курсу "Книговедение. История книги". По их итогам, в частности, сошлись на следующем:

1. Отказаться от использования учебника Н.Н.Кушнаренко "Документоведение" при изучении курса "Книговедение. История книги" как не соответствующего вузовскому уровню указанного курса;

2. Согласиться с "книговедческим" определением термина "манжетка" ("узкая полоска бумаги, охватывающая книгу по периметру"), предложенным Н.Н.Кушнаренко [10, 231] и поддержанным Ю.Н.Столяровым [3, 30], лишь в том случае, если им удастся "сконструировать" такую манжетку, которая бы действительно охватывала книгу по ее периметру, а не по ее ширине. Как это делается со времени ее появления.

Что, как "скромно" резюмирует Ю.Н.Столяров (вслед за великим Евклидом!), и требовалось доказать.

²Кстати, в "Резолюции Десятой юбилейной международной конференции "Информационные технологии, компьютерные системы и издательская продукция для библиотек – LIBCOM-2006" (Науч. и техн. б-ки. – 2007. – № 3. – С. 135-136) ничего не говорится о потрясающих результатах массового голосования ("700 участников из 14 стран!") в пользу "Документологии"...

Использованная литература

1. Низовой Н.А. Борьба за научную истину или за место под солнцем? Научные и нравственные аспекты дискуссии между книговедами и документоведами / Н.А.Низовой // Библиография. – 2006. – №5. – С. 39-51.
2. Столяров Ю.Н. Борьба за научную истину, а не за место под солнцем / Ю.Н.Столяров // Библиография. – 2007. – № 2. – С. 51. Далее ссылки – в тексте статьи.
3. Столяров Ю.Н. О месте под солнцем и борьбе за научную истину: (в продолжение одной дискуссии) / Ю.Н.Столяров // Библиотекознание. Документознание. Информология. – 2007 – № 4. – С. 28-33.
4. Беспалова Э.К. Какая истина разыскивается? / Э.К.Беспалова // Библиография. – 2007. – № 3. – С. 39-43.
5. Плешкевич Е.А. Документология как научная дисциплина: потребность или искушение? /Е.А.Плешкевич // Библиография. – 2007. – №5. – С.32-44.
6. Слободяник М.С. Размышления о несостоявшейся "дискуссии" /М.С.Слободяник // Библиотекознание. Документознание. Информология. – 2007. – № 4. – С. 33-37.
7. Низовий М. Українське друкарство і видавничі справи на сторінках російської енциклопедії "Книга" /М.Низовий, М.Тимошик //Друкарство. – 2000. – № 6. – С. 91.
8. Плешкевич Е.А. Традиционное и нетрадиционное документоведение: о чистоте идей, а может быть, и рядов /Е.Н.Плешкевич //Науч. и техн. б-ки. – 2005. – №6. – С. 65-69.
9. Мигонь К. Наука о книге: Очерк проблематики / К.Мигонь. – М.: Книга, 1991. – С. 29.
10. Кушнарченко Н.Н. Документоведение : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н.Н.Кушнарченко. – К.: Т-во "Знання", КОО, 2000. – С. 220.
11. Столяров Ю.Н. Документ – понятие конвенциональное (в порядке дискуссии) / Ю.Н.Столяров // Делопроизводство. – 2005. – № 3. – С. 13.
12. Столяров Ю.Н. Методологический подход к определению документа: Ответ Е.А. Плешкевичу / Ю.Н.Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2005. – № 7. – С. 52.
13. Столяров Ю.Н. Моя первая и любимая ученица // Наталя Миколаївна Кушнарченко: Біобібліогр. покажчик: (до 55-річчя від дня народження). – Х.: ХДАК, 2005. – С. 14; Його ж: Слово о любимой ученице // Библиотекознание. Документознание. Информология. – 2004. – № 4. – С. 52-54.
14. Швецова-Водка Г.М. Документознание : навч. посіб. / Г.М.Швецова-Водка. – К.: Знання, 2007. – 398 с.
15. Плешкевич Е.А. Современные проблемы науки о документе / Е.А.Плешкевич // Науч. и техн. б-ки. – 2006. – № 10. – С. 20.
16. Полтавская Е.И. Размышления на тему: что общего между библиотековедением, библиографоведением, книговедением... и что такое документ? // Там же. – № 9. – С. 56-67.
17. Столяров Ю.Н. Зачем документология нужна документоведению и зачем – книговедению: Маленькая картинка для выяснения больших вопросов // Науч. и техн. б-ки – 2006. – №9. – С. 67-73.
18. Виноградова Е.Б. Зачем книговедению документологическая линейка? / Е.Б.Виноградова // Там же. – №2. – С. 82-86.
19. Сальникова Л.И. Теоретик, классик современного библиотековедения В.В. Скворцов (1939-2005 гг.) / Л.И.Сальникова // Библиотечное дело – 2006: Скворцовские чтения: Материалы Одиннадцатой междунаро. науч. конф. (19-20 апр. 2006 г.). Ч.1. – М., 2006. – С. 54-55.
20. Документология : програма курсу / укл.: Н.М. Кушнарченко, А.А. Соляник. – Х.: ХДАК, 2005. – С. 3.
21. Беспалова Э.К. О фундаментальной подготовке библиотечно-информационных специалистов / Э.К.Беспалова // Библиотечное дело-2006: Скворцовские чтения: Материалы Одиннадцатой междунаро. науч. конф. (19-20 апр. 2006 г.). Ч. II. – М., 2006. – С. 104-113.
22. Методологічні проблеми документології : програма та навч.-метод. матеріали / Харк. держ. акад. культури; укл.: Н.М. Кушнарченко, А.А. Соляник. – Х., 2006. – 34 с.
23. Швецова-Водка Г.М. Структура документознавства і його місце серед суміжних наукових дисциплін / Г.М. Швецова-Водка // Студії з архівної справи та документознавства. – К., 2004. – Т. 12. – С. 124; Її ж: Місце документознавства в системі наук // Библиотекознание. Документознание. Информология. – 2007. – № 4. – С. 8.
24. Кушнарченко Н.Н. Новый этап институализации науки о документе / Н.Н.Кушнарченко // Науч. и техн. б-ки. – 2005. – № 10. – С. 38.
25. Марчук Ю. Документознание і актуальні проблеми державного управління / Ю.Марчук // Вісн. Кн. палати. – 2007. – № 1. – С.51.
26. Слободяник М.С. Професійний форум в академії / М.С.Слободяник // Библиотекознание. Документознание. Информология. – 2007. – №3. – С. 66.
27. Кулешов С. Документологія як навчальний курс та наукова дисципліна / С.Кулешов // Студії з архівної справи та документознавства. – 2006. – Т. 14. – С. 59.
28. Столяров Ю. Золушка библиотечной отрасли: Зачем эмпирикам широкие [!] абстракции / Ю.Столяров // Библ. дело. – 2007. – № 15. – С. 29.
29. Столяров Ю.Н. Справочно-библиографический аппарат в структуре библиотеки как системы / Ю.Н.Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2007. – №3. – С. 21-28.